

Dasha Gauser

ДНК МОДЫ

Как стать
fashion-дизайнером
своего бренда

Даша Гаузер

МИОО

ОГЛАВЛЕНИЕ

Последний показ	9
Бэкстейдж	9
Подиум	15
Глава первая. Мечта	22
Подвиг № 1	22
Первое платье	32
Глава вторая. Создание Бренда	39
Подвиг № 2	39
Коллекция	44
Команда	49
Лицо Бренда	55
Я вижу сны	60
ДНК Бренда	64
Глава третья. Модный бизнес	71
Ориентиры	71
Коллаборации	75
Модели	82
Стилисты	90
Дизайнеры	97

Глава четвертая. Изнанка моды	101
<i>Светская хроника</i>	101
<i>Жертва моды</i>	106
<i>Шоубиз</i>	112
<i>Слава</i>	117
Глава пятая. Двухнедельное безумие	120
<i>В поисках вдохновения</i>	120
<i>Срыв</i>	126
<i>Перед показом</i>	128
<i>Первый ряд</i>	133
<i>Неделя моды</i>	136
Глава шестая. Другая жизнь	140
<i>Выгорание</i>	140
<i>Бесплодие</i>	144
<i>Утро после последнего показа</i>	146
<i>Перемены</i>	149
12 принципов, которые работают	155
Благодарности	157
Об авторе	160

ПОСЛЕДНИЙ ПОКАЗ

Бэкстейдж

Я стою на шатком стуле и судорожно наматываю на голову модели подобие чалмы. Повсюду вспышки фотокамер — процесс ловят фотографии бэкстейджа. Понимаю, что глупо выгляжу на этом островке высоты, чуть выше модели, рост которой больше ста восьмидесяти плюс тринадцатисантиметровые каблуки. Но мне нужно за считанные минуты до начала шоу сделать головные уборы десятку девушек. Трясущимися от напряжения и усилий руками делаю последний заворот из ткани и вонзаю бриллиантовую брошь в место крепления. Севшим голосом выкрикиваю имена девочек, которым еще не соорудила головной убор. С высоты стула мне открывается целостная картина происходящего. Вижу, как над моделями колдуют дрессеры*, парикмахеры и визажисты, собирая на показ.

Кто-то тычет меня пальцем в бок. Оборачиваюсь и вижу растерянное лицо пятнадцатилетней модели.

* Дрессер (от англ. *dresser*) — костюмер.

— Что случилось?

— У меня обувь забрали.

— Кто?

Девочка робко указывает на прожженных в модельном бизнесе близняшек. Не выпуская ткани из рук, продолжаю крутить следующую чалму.

— Где Катя? Она отвечает за обувь, — ищу взглядом помощницу, не нахожу и пытаюсь перекричать толпу.

Катя собирала вещи к показу и формировала комплекты — пара обуви под собранным луком* для каждой модели. И только она знает, сколько туфель взяли на показ.

— Она пошла встречать гостей, — отвечает волонтер, которого я вижу в первый раз.

— Ну это все... Ищите пакеты с дополнительной обувью.

В примерке хаотично беснуются неизвестные мне люди, выпроводить которых получается, только применяя силу и ругаясь матом. Шестнадцать моделей, пятеро парикмахеров, столько же визажистов, девочки на подхвате и человек семь волонтеров, два амбала из охраны, висящие над ухом организаторы Недели моды и трое уцелевших после моего разгона фотографов толкнутся в двадцати квадратах. Да еще партнеры выстроили охрану возле ювелирки стоимостью миллион рублей за каждое изделие.

— На подиум тоже с моделями пойдете? — спрашиваю охранников.

Чувствую, как кровь неестественно сильно пульсирует в моей голове. Мы задержали показ уже на двадцать минут, в жестких рамках расписания Недели моды это критично. Показы дизайнеров идут один за другим на одной площадке,

* Лук (от англ. *look*) — на модном сленге обозначает образ.

любая задержка отражается на всех следующих показах этого дня.

— Мы снимем тебя с расписания! — кричит на меня юноша из оргкомитета Mercedes-Benz Fashion Week Russia, у которого в голове рисуется перспектива увольнения с позором из-за допущенной паузы. Его голос тонет в гуле суеты.

«Ему хоть семнадцать-то есть?» — проносится у меня в голове.

Прибегает модель с предыдущего показа с адским макияжем и котлами на голове. Беру за руки первых попавшихся стилистов, тащу их к модели: «Быстро!» и убегаю докручивать головные уборы.

Стилисты, работающие на неделях моды уже несколько лет, расшифровывают указание точно. Пять минут колдовства в восемь рук — и полностью преображенная девочка готова к моему показу.

— Даша, мы позвонили Кате, она сказала, что обуви больше нет, все, что было, уже на моделях.

Как мы могли упустить из виду одну девочку? А я знаю как. Близняшки сегодня все утро бегали по дизайнерам, то на репетицию, то на примерку, а за пять минут до показа выяснили, что не обуты... Что же делать?

— Какой у тебя размер?

— Сороковой.

Да ладно... Что за дети пошли? В пятнадцать лет рост сто восемьдесят, размер ноги сорок...

— Отлично, надень мои.

— Они же тридцать восьмого!

— Привыкай.

Ко мне подбегает юноша от Недели моды:

— Мы начинаем показ прямо сейчас, как есть, хоть с голыми моделями!

Отталкиваю его и подлетаю к модели, у которой подол платья длиннее положенного. Как это возможно? Мы же на примерке подкалывали длину. Ну правильно, вот иголки, забыли подшить. Бросаю грозный взгляд на конструктора.

— Режь!

Конструктор склоняется к ногам модели и прямо на ней осноравливает* низ изделия.

Краем глаза вижу, как в гримерку wpłyвает актриса и распахивает объятия.

— Дорогая, я пришла тебя поздравить. Офигительный показ! — растягивая каждое слово, пропела актриса. Мы обнялись и расцеловали друг друга в обе щеки.

— Спасибо. Показ еще не начался. Иди, садись в зал, молодой человек тебя проводит.

Юноша-организатор при виде звезды растерял бдительность и в благоговейном трепете побежал к ней.

— Ну ла-а-адно, потом поздравлю, — нежно протянула актриса, загадочно размахивая букетиком с предыдущего мероприятия. — А где пресса? — спросила она у юноши.

— Пойдемте, я вас провожу, — рассыпался он перед ней.

Вот как посторонних пускают на бэкстейдж? Хорошо хоть юношу обезвредила.

Так, что у нас происходит? В дальнем углу гримерки какая-то возня. Подойдя ближе, вижу, что студентка-волонтер, натягивая платье на модель, сломала молнию. И не просто сломала, а вырвала с мясом: дыра зияет, словно свежая рана, по краям свисают остатки молнии, оторванные куски ткани

* Осноровить — термин в индивидуальном пошиве, означающий работу с длиной изделия, при которой ткань внизу отрезают и подшивают под рост клиента.

и нитки. В этот момент Голос Недели моды вещает на весь Манеж: мой показ начинается через пять минут.

— Шить умеешь? — спрашиваю я студентку.

— Да, — испуганно лепечет она в ответ.

— Зашивай.

— Прямо на ней?

— Прямо на ней.

— Так как же? У меня еще второй выход, — кричит мне вслед начинающая модель.

— Значит, пойдет другая.

Опять у меня поплывет порядок выходов. Бросаю быстрый взгляд на схему показа, понимаю, что осилить три выхода сможет только одна из близняшек.

— Рубленко!

— Да.

— Иди примерь еще один выход. Быстро, — указываю на одежду, оставшуюся без модели.

Задержка показа — сорок минут.

— Так, девочки, все за подиум! Вывозите вешало со вторыми выходами, посмотрите, все ли взяли? Аксессуары, сумки, обувь, — кричу команде. — Вам тоже на выход, — указываю в сторону подиума двум растерянными охранникам.

Хоть и поставила на каждую модель по дрессеру, обвожу примерку взглядом, выцепляя необходимые для показа вещи среди разбросанных колготок, нижнего белья и не вошедших в показ вещей.

— Даш, посмотри на меня. Утверждаешь? — подбегает Рубленко в третьем выходе. Идеальная посадка на идеальной фигуре. Замираю. Мурашки.

— Да, — улыбаюсь я, — скорее переодевайся в первый лук.

Нисколько не сомневаюсь, что она справится с работой идеально. Готова простить даже хамское поведение. «Результат любой ценой. Это фешн, детка».

За сцену мы уже бежим по темным коридорам Манежа. Под ногами — спутанные провода и сценическое оборудование. Толпа моделей, визажистов, парикмахеров, дрессеров, фотографов, охранников с кучей реквизита, рейлами с одеждой, спотыкаясь и толкаясь, сметает все на своем пути. Топот заглушает Голос Недели моды, возвещающий о начале показа. За кулисами темно, тесно и душно. Я повторяю маневр, который совершила двадцать минут назад в гримерке, только уже с помощью охраны: посторонних, в том числе прессу и блогеров, выводят. Представляю, что они обо мне напишут. Но это единственный способ сделать показ качественно. «Результат любой ценой» — повторяю я свою мантру.

— Девочки, построились в порядке выходов, — берет на себя функции руководителя режиссер. — Вот карта показа, — указывает он на ватман с приклеенными к нему фотографиями моделей: Рубленко, Ким, Зайка, Савченко, Рудакова, Жук, Круз...

Нервно поправляю каждую модель лично по несколько раз. Ругаюсь на стилистов — модель должна быть собрана идеально: вылизанная до миллиметра прическа, безупречный макияж, маникюр, отутюженная одежда, расправленные складки с идеальной посадкой.

— Дашенька, можно я накрашу губы моделям? — растягивая слова, спрашивает визажист.

— В смысле? — я чувствую, что от негодования у меня на лбу выступают крупные вены. — Вы до сих пор не накрашили губы? Вас же сто тысяч человек здесь... Жесть... — выдыхаю. — Конечно, быстрее!

Я знаю, что перенапряжена. Но готова держать еще удары. По телу прошел озноб, в голове забила барабанная дробь, кровь так резко прилила к вискам — на секунду подумала, что теряю сознание. Нет, обошлось. Тайком смотрю из-за кулис. Полный зал. В проходах стоят люди, которым не хватило места. Ищу на первом ряду Эвелину, Ляйсан* и Юлию Ковальчук, которые обещали быть. Пока не вижу.

— Даша, все модели на месте, рассадка гостей закончена. Начинаем? — спрашивает режиссер.

— Не-е-ет, — вопит запыхавшийся юноша. — Мы ждем депутата Государственной думы. Он подъезжает.

— Начинаем! — отвечаю в полной готовности отработать двадцатиминутное шоу.

— Свет! Музыка! — слышу обрывки запускающегося механизма в рацию. — Поехали!

Подиум

Наступила абсолютная темнота. Я подумала, что мне хочется задержаться в ней, как в укрытии. Ведь когда включают софиты и подиум зальет свет, зрители увидят очередную коллекцию во всех деталях и ракурсах. С первых рядов можно оценить даже качество строчек. Свет будет настолько ярким, что все мои живописные изыски станут плоскими и понятными, как становится понятна структура вещества ученому, рассматривающему ее в микроскоп. Коллекция на подиуме как

* Телеведущая, на тот момент главный редактор журнала L'Officiel Эвелина Хромченко; гимнастка, шестикратная чемпионка Европы, обладательница Кубка мира и телеведущая Ляйсан Утяшева.

только что родившийся младенец, привыкший к уютной утробе матери, — при ярком свете медицинского оборудования, в новом для него воздушном пространстве и после резких шлепков по нежной коже, его уютный мир исчезает.

Я вздрогнула под первые громкие звуки музыки. Экран за кулисами, на котором шла прямая трансляция показа, стал ярким — вышла первая модель. Рубленко. Смотрю на монитор, затаив дыхание. Она прекрасна, на ней скульптурное платье с развевающимся ассиметричным шлейфом. Первый выход самый ответственный: нужно заявить тему коллекции, но не раскрыть полностью, только намекнуть. Это должен быть сильный, запоминающийся образ, так как именно он станет обложкой фотоальбомов коллекции на сайтах различных СМИ. Это визитная карточка коллекции «Органика» сезона весна-лето 2017.

Вспышки фотокамер ослепили меня и вернули к реальности. Вот как фотографы умудряются испортить волшебный момент? Что они хотят запечатлеть? Блаженное лицо дизайнера с открытым ртом? Всегда с болезненными ощущениями и дрожью от воспоминаний просматриваю фотографии с бэкстейджа. Вот я исхудавшая с ввалившимися щеками и синяками под глазами, цвета мрачной оливы в восемь утра на репетиции. Вот я ростом метр шестьдесят неуклюже поднимаюсь на цыпочках, пытаюсь дотянуться до прически модели. Вот я оцениваю пробный макияж у моделей, щурясь и собирая всю усталость в паутину морщин. А здесь я уже с металлическим блеском в глазах отдаю деспотичные распоряжения визажистам, что переделать. Ни одной фотографии, где я мягкая и счастливая. Зато когда фотографам удается передать атмосферу за кулисами, получается магическая история. Созданные мной образы проступают из темноты в нарастающих лучах софитов. Лишь поэтому фотографы здесь.

Модели стали прибегать после первого выхода и в тесном полумраке собираться для второго. Обычно профессиональной модели требуется всего минута, чтобы при помощи дрессеров переодеться. Но бывают сложные выходы, где многослойность или дизайнерский крой заставляют задержаться. Случается и так, что платье оказывается задом наперед и приходится заново переодеваться. Задержки с выходом моделей на подиум происходят на каждом показе, это частично рушит выверенный порядок. Обычно при создании структуры и режиссуры шоу я рассказываю историю, где одна форма перетекает в другую и каждый цвет поддерживает соседний. Правильно подобранная музыка превращает эту историю в завораживающую мистификацию. Я плету свое волшебное кружево.

— Даша, посмотри на меня, — девочки за много сезонов сотрудничества со мной знают, что я лично проверяю, правильно ли собрали модель для выхода.

Я выкладываю в нужную сторону драпировку, одергиваю низ изделия, проверяю, не поехал ли средний шов на спинке, и отправляю модель на подиум. Отряхиваю следующую от прилипших ниток, поправляю прическу так, чтобы открыть уши с дорожными серьгами из белого золота с изумрудами, и хлопаю по спине, тем самым извещая, что она готова.

Чувствую сильный толчок в бок, меня сносит собственная же модель. Она мчится к рейлу со вторыми выходами. Рубленко... Вспоминаю, что у нее три выхода, подбегаю, чтобы помочь переодеться.

— Даша, у нас одна модель подвернула лодыжку, она не сможет сделать второй выход.

Жесть. А я после показа буду расхваливать прессе эту адскую обувь, рассказывая о ее удобстве...

— Кто?

— Устинова. У нее остался розовый жакет с брючками.

Кого же я впихну в сороковой размер? Озираюсь, выцепляю взглядом пятнадцатилетнюю модель, ту самую, у которой забрали обувь старшие сестры по цеху. Длинноногая тонкая лань с красивым и модным лицом, которую очень скоро заметят букеры и «продадут» за границу, сначала в Китай, затем в Европу. А у меня ее первый показ. Я расписала на нее всего один выход, посчитав, что для начала достаточно, но обстоятельства распорядились иначе. Блестяще отработав свой выход, она, переполненная адреналином сцены, пытается отдышаться в уголке.

— Готовьте Круз. И пусть Устинова отдаст ей свою обувь.

«Результат любой ценой». Но никто не знает, что это за цена. Все видят только красивое шоу, вылизанных моделей в дизайнерской одежде, излучающих праздник. Для зрителей этот день такой же, как и предыдущий, им неизвестно, что за двадцатиминутным шоу стоит полугодовая интенсивная работа целой команды высококвалифицированных специалистов-фанатиков, три недели голода моделей, сожженные волосы и лодыжка Устиновой.

— Даша, у нас девочки все вышли, осталась одна модель, но там что-то с платьем. Запускаем общий финал? — кричит мне в ухо выпускающий режиссер.

Я оглядываю всех моделей и вижу, как целая толпа дрессеров кружится над Ким.

— Девочки, построились на финал, — командует режиссер.

— Нет, у Ким последний выход! — кричу я с отчаяньем.

Завершающий образ для показа — как развязка в романе, где наступает катарсис. Это самое сложное и потрясающее платье. Без него нельзя. Это все равно что из фильма «Великая красота» вырезать сцену с фламинго. Платье должно

выйти любой ценой. Я подбегаю к группке дрессеров, хлопчущих над Ким.

— Что случилось?

— Она не влезает. Молнию заклинило.

Что ж сегодня с молниями-то?

— Разрежьте молнию и зашивайте на ней.

За секунду платье было распорото, Ким быстро влетела в него, оставалось зашить.

— Даша, мы не можем больше подиум держать пустым. Мы запускаем финал, — бьется в истерике режиссер.

— Нет! Ждите! Нам нужно всего полминуты, — не оборачиваясь, кричу сорванным голосом режиссеру. — Берите еще иголки и шейте в несколько рук, — отдаю распоряжение команде.

Хватаю иголку с первой попавшейся ниткой и лихорадочно приступаю к делу сама. И... слышу финальную музыку. Оборачиваюсь лишь для того, чтобы утвердиться в самых мрачных подозрениях: режиссер выпускает девочек на финальный выход. Мой четко выстроенный мир поплыл... и рухнул. Я почувствовала подступающую тошноту.

Меня кто-то взял за руку и потащил к подиуму.

— Приготовься на поклон, — услышала я бесчувственную команду режиссера.

На поклон я вышла ошеломленная наглостью, порвавшей мое волшебное кружево. Растерянно улыбнулась под яркими софитами, все еще держа иголку в руках, не слыша ничего, кроме сумасшедшей барабанной дробы в висках.

Перед глазами туман. Чувствую липкие прикосновения. Меня обнимают вспотевшие модели. Я слышу слова благодарности и поздравления. Команда хлопает и улюлюкает, встречая с подиума.

— Дорогая, ты наш любимый дизайнер, — окружают меня близняшки.

— А вы мои, — посылаю искренний воздушный поцелуй вдогонку, они уже убегают на следующий показ.

— Даша, спасибо вам большое, что поверили в меня, — чистота благодарных глаз пятнадцатилетней Круз как глоток свежего воздуха в этом ненормальном дне.

— Верь в себя, малышка, у тебя все впереди, даже Неделя моды в Париже, — отдаю свою последнюю частичку тепла. Через пару лет Милана Круз возьмет все мировые подиумы, а сейчас она моя малышка.

За кулисами включили свет, и я увидела пробивающихся через охрану многочисленных гостей.

— Пропустите всех.

В мгновение ока возле меня и звездных гостей оказались репортеры. Гости с удовольствием отрабатывали светскую хронику. Я принимала цветы и поздравления, не разбирая слов. Слезы душили изнутри, но я улыбалась профессиональной улыбкой, позируя фотографам. Долгожданных звезд, на которых я рассчитывала, за кулисами не было, я подумала, что их задержала пресса или они поспешили на следующее мероприятие.

Затем полились бесконечные однотипные интервью, на которых я работала все с той же улыбкой. «Говори через улыбку», — совет редактора рубрики на ТВ встроился в мой ДНК.

— Освободите помещение, начинается следующий показ, — бесцеремонно вторгся в съемочный процесс юноша-организатор.

— Пойдемте в мою гримерку, там и доработаем, — предложила я журналистам.

Большой толпой с кучей камер, оборудования и света мы двинулись через кордон охраны на бэкстейдж. В гримерке